

БУЛАТ ОКУДЖАВА

МАРТ ВЕЛИКОДУШНЫЙ

МОСКВА 1967

БУЛАТ ОКУДЖАВА

В книгу Булата Окуджавы «Март великодушный» вошли стихи, написанные поэтом за последние годы. Большинство из них публиковалось в периодике. Завершает книгу цикл стихов-песен, печатающихся впервые, но хорошо знакомых читателям: они часто звучат с киноэкрана, по радио, с концертной эстрады.

МАРТ ВЕЛИКОДУШНЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ •

ХУДОЖНИК А. Б. КОНОПЛЕВ

МАРТ ВЕЛИКОДУШНЫЙ

У отворенных
                                у ворот лесных,
откуда пахнет сыростью,
                                где звуки
стекают по стволам,
                                стоит лесник,
и у него —
                                мои глаза и руки.

А лесу платя старые тесны.
Лесник качается
                                на качкой кочке
и все старается
                                не прозевать весны
и первенца принять
                                у первой почки.

Он наклоняется — помочь готов,
он вслушивается,
                                лесник тревожный,
как надывается среди стволов
какой-то стебелек
                                неосторожный.

Давайте же не будем обижать
сосновых бабок и еловых внучек,
пока они
        друг друга учат,
как под открытым небом
                                март рожать!

Все снова выстроить — нелегкий срок,
как зиму выстоять, хоть и знакома...
И почве выстрелить
                                свой стебелек,
как рамы выставить хозяйке дома...

...Лес не кончается.
                                И под его рукой
лесник качается,
                                как лист послушный...
Зачем отчаиваться,
                                мой дорогой?
Март намечается
                                великодушный!

Человек стремится в простоту,
как небесный камень — в пустоту,
медленно сгорает
и за предпоследнюю версту
нехотя взирает.
Но во глубине его очей
будто бы — во глубине ночей
что-то назревает.

Время изменяет его внешность.
Время усмиряет его нежность,
словно пламя спички на мосту,
гасит красоту.

Человек стремится в простоту
через высоту.
Главные его учителя —
Небо и Земля.

Строитель, возведи мне дом,
без шуток,
        в самом деле,
чтобы леса росли на нем
и чтобы птицы пели.

Построй мне дом, меня любя,
построй, продумав тонко,
чтоб был похож он на себя
на самого,
        и только.

Ты не по схемам строй его,
ты строй не по стандарту, —
по силе чувства своего,
по сердцу,
        по азарту.

Ты строй его — как стих пиши,
как по холсту — рисуя.
По чертежам своей души,
от всей души,
        рискуя.

Продолжается музыка возле меня.

Я играть не умею.

Я слушаю только.

Вот тарелки, серебряным звоном звеня,
на большом барабане качаются тонко.

Вот валторны

восторженно

в пальцы вилелись.

Вот фаготы с каких-то высот пролились,
и тромбонов трудна тарабарская речь,
две вертлявые скрипки идут на прогулку
между мной и кулисами

по переулку,

не сходя с музыкантских мозолистых плеч...

Все известно!

Нельзя ли чего поповей?

Не смычком — по струне, например,

а струною —

по стене, например...

Или чтоб за стеною

вдруг старательно старый запел соловей...

Соловей?..

А нельзя ли чего поповей?

Я никогда не витал, не витал
в облаках, в которых я не витал,
и никогда не видал, не видал
городов, которых я не видал.
И никогда не лепил, не лепил
кувшин, который я не лепил,
и никогда не любил, не любил
женщин, которых я не любил...
Так что же я смею?

И что я могу?
Неужто лишь то, чего не могу?
И неужели я не добегу
до дома, к которому я не бегу?
И неужели не полюблю
женщин, которых не полюблю?
И неужели не разрублю
узел, который не разрублю,
узел, который не развяжу,
в слове, которого я не скажу,
в песне, которую я не сложу,
в деле, которому не послужу...
в пуле, которую не заслужу?..

ПРОЩАНИЕ С ОСЕНЬЮ

Осенний холодок.
Пирог с грибами.
Калитки шорох и простывший чай.
И снова
неподвижными губами
короткое, как вздох:
«Прощай, прощай...»

«Прощай, прощай...»
Да я и так прощаю
все, что простить возможно,
обещаю
простить и то, чего нельзя простить.
Великодушным я обязан быть.

Прощаю всех, что не были убиты
тогда, перед лицом грехов своих.
«Прощай, прощай...»
Прощаю все обиды,
обеда
у обидчиков моих.

«Прощай...»
Прощаю, чтоб не вышло боком.
Сосуд добра до дна не исчерпать.
Я чувствую себя последним богом,
единственным умеющим прощать.

«Прощай, прощай...»
Старания упрямы
(знать, мне лишь не простится одному),
но горести моей прекрасной мамы
прощаю я неведомо кому.
«Прощай, прощай...» Прощаю,
не смущаю
угрозами,
надежно их таю.
С улыбкою, размашисто прощаю,
как широги,
прощенья раздаю.

Прощаю побелевшими губами,
покуда не повторится опять

осенний горький чай,
пирог с грибами
и поздний час —

прощаться и прощать.

ТРАМВАИ

Москва все строится, торопится.
И, выкатив свои глаза,
трамваи красные сторонятся,
как лошади — когда гроза.

Они сдают свой мир без жалобы.
А просто: будьте так добры!
И сходят с рельс.

И, словно жаворонки,
влетают в старые дворы.

И, пряча что-то дилижансовое,
сворачивают у моста,
как с папиросы
искры сбрасывая,
туда, где старая Москва,

откуда им уже не вылезти,
не выползти на белый свет,
где старые грохочут вывески,
как полоумные, им вслед.

В те переулочки заученные,
где рыжая по крышам жечь,
в которых что-то есть задумчивое
и что-то крендельное есть.

Магическое «два». Его высоты,
его глубины... Как мне превозмочь?
Два сокола, два соболя, две сойки,
закаты и рассветы, день и ночь,
две матери, которым верю слепо,
две женщины, и, значит, два пути,
два вероятных выхода, два неба —
там, наверху, и у меня в груди.
И, залитый морями голубыми,
расколотый кружится шар земной...
...а мальчики торгуют голубями
по-прежнему. На площади Сенной.

Не все ль равно: вернешься цел
или в бою падешь ты,
и руку кто подаст в беде —
товарищ или враг?..»

О, чтобы было все не так,
  чтоб все иначе было,
наверно, именно затем,
наверно, потому
играет будничным оркестр
привычно и вполсилы,
а мы так трудно и легко
все тянемся к нему.

Ах, музыкант, мой музыкант!
Играешь, да не знаешь,
что нет печальных, и больных,
  и виноватых нет,
когда в прокуренных руках
  так просто ты сжимаешь,
ах, музыкант, мой музыкант,
черешневый кларнет!

ВСТРЕЧА

КАНСЫНУ КУЛНЕВУ

Насмешливый, тщедушный и неловкий,
единственный на этот шар земной,
на Усачевке, возле остановки,
вдруг Лермонтов возник передо мной,
и в полночи рассеянной и зыбкой
(как будто я о том его спросил) —
— Мартынов — что... —

он мне сказал с улыбкой. —

Он певинновен.

Я его простил.

Что — царь? Бог с ним. Он дожил до могилы.

Что — раб?.. Бог с ним. Не воин он один.

Царь и холоп — две крайности, мой милый.

Нет ничего опасней середины.

Над мрамором, венками перевитым,
убийцы стали ангелами вновь.

Удобней им считать меня убитым:
венки всегда дешевле, чем любовь.

Как дети, мы все забываем быстро,
обидчикам не помним мы обид,
и ты не верь, не верь в мое убийство:
другой поручик был тогда убит.

Что — пистолет?.. Страшна рука дрожащая,
тот пистолет растерянно держащая,
особенно тогда она страшна,
когда сто раз пред тем была нежна...
Но, слава богу, жизнь не оскудела,
мой Демон продолжает тосковать,
и есть еще на свете много дела,
и нам с тобой нельзя не рисковать.
Но, слава богу, снова паутинки,
и бабье лето тянется на юг,
и маленькие грустные грузинки
полжизни за улыбки отдают,
и суждены нам новые порывы,
они скликают нас наперебой...

Мой дорогой,
пока с тобой
мы живы,
все будет хорошо
у нас с тобой...

Пробралась в нашу жизнь клевета,
как кликуша глаза закатила,
и прикрыла морщинку у рта,
и на тонких ногах заходила.

От раскрытых дверей — до стола,
от стола — до дверей, как большая,
все ходила она и плела,
помятая тебя, проклиная.

И стучала о грудь кулаком.
и от тонкого крика сипела,
и кричала она о таком,
что посуда в буфете звенела.
От Воздвиженки и до Филей,
от Потылихи до Самотечной
все клялась она ложью твоей
и своей правотой суматошной...

Отчего же тогда проношу
как стекло твое имя?

Спасаясь?

Словно погтем веду по пожу —
снова губ твоих горьких касаюсь.

И смсюсь над ее правотой,
хрипотою ее, слепотою,
как пропойца — над чистой водою.
Клевета.
Клеветы.
Клеветой.

ЭТА КОМНАТА

К. Г. ПАУСТОВСКОМУ

Люблю я эту комнату,
где розовеет вереск
в зеленом кувшине.
Люблю я эту комнату,
где проживает ересь
с богами наравне.
Где в этом, только в этом
находят смысл
и ветром
смывают гарь и хлам,
где остро пахнет веком
четырнадцатым
с веком
двадцатым пополам.
Люблю я эту комнату
без драм и без расчета...
И так за годом год
люблю я эту комнату,
что, значит, в этом что-то,
наверно, есть, но что-то —
и в том, чему черед.
Где, дни, как карты, смешивая —
грядущий и начальный,

что жив и что угас, —
я вижу, как насмешливо,
а может быть, печально
глядит она на нас.
Люблю я эту комнату,
где даже давний берег
так близок — не забыть...
Где нужно мало денег,
чтобы счастливым быть.

Я дарю тебе к светлому празднику множество
всяких странных вещей:

звон неожиданных звонков,
запах блюд, не стготовленных вовсе,

и мужество
ни о чем не жалеть...

и охапки цветов,
не проросших еще, ароматных и бархатных,
удивленье, надежду на добрую весть,
вид из окон (еще до сих пор не распахнутых)
на дорогу

(которая, может быть, есть).

ПОДМОСКОВЬЕ

1

Март намечается.

Слезою со щеки
вдруг скатывается издалека...
И вербины цветы, как серые щенки,
ерошат шерсть и просят молока.
И тополи

попеременно
босые ноги ставят в снег,
скользя,
шагают, как великие князья,—
как будто безнадежно,
но надменно.

2

Кричат за лесом электрички,
от лампы — тени по стене,
и бабочки,
как еретички,
горят на медленном огне.
Сойди к реке по тропке топкой,
и понесет сквозь тишину

зари вечерней голос тонкий,
ее последнюю струну.
Там отпечатапы коленей
остроконечные следы,
как будто молятся олени,
чтоб не остаться без воды...
По берегам, луной залитым,
они стоят: глаза — к реке,
твердя вечерние молитвы
на тарабарском языке.
Там птицы каркают и стонут.
Синеют к ночи камыши,
и ветры с грустною истомой
все дуют в дудочку души...

3

На белый бал берез не соберу.
Холодный хор хвои хранит молчанье.
Кукушки крик, как камешек отчаянья,
все катится и катится в бору.

И все-таки я жду из тишины
(как тот актер, который знает цену
чужим словам, что он несет на сцену)
каких-то слов, которым нет цены.

Ведь у надежд всегда счастливый цвет,
надежный и таинственный немного,
особенно, когда глядишь с порога,
особенно, когда надежды нет.

4

Как ты там поживаешь над рекой Серёной,
караями заселенной,
облаками засоренной?

Как ты там поживаешь в своем
скворешнике,
примостившемся на берегу,
где полки молодого орешника
на бегу
изогнулись в дугу,
где в тине, зеленой и темной,
перепутались рыбы следы,

где ивы, упрямо и томно,
перелистывают книгу воды?..
А когда осенний дождичек частый
бубнит, как столетний дед,
кому ты выносишь в пригоршнях счастье,
которому имени нет?

5

Все поле взглядом невзначай окинь:
костры, костры, костры и дух щавелий...
И трактора сползались на огонь
и желтыми лучами шевелили.

Осенний первый дождь спокойно шел
и не мешал огню, и было ярко,
и пахло щами и ржаною коркой...
Лес лисами и листьями шуршал.

Мы крепко спали на пороге дня.
Лишь дождь перебирал привычно струны,
и наши тени, медленно и странно,
плясали, приседая, у огня...

А знаешь ты,
 что времени у нас в обрез,
 и кошельки легки без серебра,
 учитель мой, взъерошенный как бес,
 живущий в ожидании добра?

Когда-нибудь
 окончится осенний рейс,
 и выяснится наконец, кто прав,
 и скинет с плеч своих наш поздний лес
 табличку медную:

«За нарушение — штраф!»

Когда-нибудь
 внезапно стихнет карусель
 осенних рощ и неумытых луж,
 и только изумленное:

«Ужель

возможно это?!» —

вырвется из душ.

И в небеса
взвывается белый дым змеей,
и, словно по законам волшебства,
мы пролетим над теплою землей
в обнимку,
как кленовая листва...

7

Где-то там, где первый лег ручей,
где пробился корм, парной и смачный,
начинаются бунты грачей
и жуков торжественные свадьбы.
И меж ними, словно меж людьми,
разворачиваются,
  как горы,
долгие мистерии любви
и решительные разговоры.
И к коричневым глазам коров
и к безумным бусинкам кошачьим
подступают из глубин дворов
и согласие
и неудачи...

И тогда доносится с небес,
словно мартовская канонада:
— Вы хотите друг без друга,
без
масты?..
— Не надо! Нет, не надо!

То падая, то снова парастая,
как маленький кораблик на волне,
густую грусть шарманка городская
из глубины двора дарила мне.
И вот, уже от слез на волосок,
я слышал вдруг,
  как раздавался четкий
свихнувшейся какой-то
  нотки
веселый и счастливый голосок.
Пускай охватывает нас смятением
несоответствие
  мехов тугих,
но перед наводнением смертельным
все хочет жить.
  И нету правд других.
Все ухищрения и все уловки
не дали ничего взамен любви...
...Сто раз я нажимал курок
  винтовки,
а вылетали только соловьи.

ФОТОГРАФИИ ДРУЗЕЙ

Деньги тратятся и рвутся,
забываются слова,
приминается трава,
только лица остаются
и знакомые глаза...
Плачут ли они, смеются —
не слышны их голоса.

Льются с этих фотографий
океаны биографий,
жизнь в которых вся, до дна,
с нашей переплетена.

И не муки и не слезы
остаются на виду,
и не зависть и беду
выражают эти позы,
не случайный интерес
и не сожаленья снова...

Свет — и ничего другого,
век — и никаких чудес.

Мы живых их обнимаем,
любим их и пьем за них...

...только жаль, что понимаем
с опозданием на миг!

Когда затихают оркестры Земли
и все музыканты ложатся в постели,
по Сивцеву Вражку проходит шарманка —
смешной, отставной, одноногий солдат.

Представьте себе:

от ворот до ворот,
в ночи наши жесткие души тревожа,
по Сивцеву Вражку проходит шарманка,
когда затихают оркестры Земли.

БОЖЕСТВЕННОЕ

Когда с фронтона Большого театра,
подковами бронзовыми

звения,

стремительно

скатывается

тройка

и мчится в сумерках

на мешя,

я вижу бег ее напряженный,

она уже —

рядом, недалеко,

там — белокурый бог

обнаженный,

вьюгой февральскую

обожженный,

с поводом ненадежным

в руке,

изгибается на передке.

Стужей февраль пропах

и бензином.

Тройка все ускоряет бег

по магазинам...

по магазинам...

мимо троллейбусов,
                                через снег,
чтобы под дикий трезвон уздечки
прочной припасть
                                на все времена
к розовым россыням
                                сытной гречки,
к материкам золотого пшена,
чтоб со сноровкою
                                самой будничной
и с прилежанием
                                на челе
меж пьедесталом своим
                                и булочной
в уличной
                                кружить
                                толчее...
С Духом святым,
                                и Отцом,
                                и Сыном
по магазинам...
                                по магазинам...

ГОЛУБОЙ ЧЕЛОВЕК

Голубой человек в перчатках,
в красной шапочке смешной
поднимается по лестнице,
говорит: — Иду домой.

Вот до верха он добрался,
вот — под крышею самой,
но упрямо лезет выше,
говорит: — Иду домой.

Вот — ни крыши и ни лестниц.
Он у неба на виду.
Ты куда, куда, несчастный?! —
Говорит: — Домой иду... —
Вот растаяло и небо —
мироздания тишь да мрак,
ничего почти не видно,
и земля-то вся — с кулак.

— Сумасшедший, вон твой дом!
— Где мой дом?
— Да вон твой дом!.. —

Шар земной совсем уж крошечный —
различается с трудом.

— Эй, заблудишься, заблудишься!
Далеко ли до беды?..—
Он карабкается, бормочет:
— Не порите ерунды!..

ДОРОЖНАЯ ФАНТАЗИЯ

Таксомоторная кибитка,
трясущаяся от избытка
былых ранений и заслуг,
по сопкам ткет за кругом круг.
Миную я глухие реки,
и на каком-то там ночлеге
мне чудится

(хотя и слаб)

переселенческой телеги
скрип,

и коней усталый хрип,
и мягкий стук тигриных лап,
напрягшихся в лихом набеге,
и крик степи о человеке,
и вдруг на океанском бреге —
краб,

распластавшийся как раб..

С фантазиями пету сладу:
я вижу, как в чужом раю,
перемахнув через ограду,
отыскивая дичь свою,
под носом у слепой двустволки
малиновые бродят волки...

Я их сквозь полночь узнаю.
А сторож-то! Со сторожихой
семидесятилетней, тихой!
Они под жар печной — бока,
пока созревшей обленихой
дурманит их издалека,
пока им дышится,
пока
им любопытны сны и толки,
пока еще слышны им волки,
и августа мягка рука,
пока кленовый лист узорный
им выпадает на двоих...
Вот так я представляю их,
случайный бог таксомоторный,
невыспавшийся, тощий, черный,
с дорожных облаков своих.

МУЗЫКА

СИМОНУ ЧИКОВАНИ

Вот ноты звонкие органа
то порознь вступают,
  то вдвоем,
и шелковые петельки аркана
на горле
  стягиваются
  моем.
И музыка передо мной танцует гибко,
и оживает все
  до самых мелочей:
пылинки виноватая улыбка
так красит глубину ее очей!
Ночной комар,
  как офицер гусарский, тонок,
и женщина какая-то стоит,
прижав к груди стихов каких-то
  томик,
и на колени падает старик,
и каждый жест велик,
  как расстоянье,
и веточка умершая
  жива, жива...

И стыдно мне за мелкие мои
старанья

и за
непоправимые слова.

...Вот сила музыки.

Едва ли
поспоришь с ней бездумно и легко,
как будто трубы медные зазвали
куда-то горячо и далеко...

И музыки стремительное тело
плывет,

кричит неведомо кому:
«Куда вы все?!

Да разве в этом дело?!..»
А в чем оно? Зачем оно? К чему?!!

Вот черт,
как ничего еще не надоело!

ТБИЛИСИ

Тбилиси утром голову подымет
и сладкий сон пугнет от карих глаз,
и жители запляшут в раннем дыме
и вскрикнут, торопясь:

«Который час?!..»

И чайных ложек целые оркестры
ударят разом, тишину круша...
Все — музыканты.

Он один — маэстро.

Ему не полагается —

спеша.

Пускай они спешат. Пускай надежды
хватают, как одежды, не дошив...

Он будет азиатом,

как и прежде...

Спешат невежды.

Он — нетороплив.

Он дверь прикроет, хлопнет по карманам,
туманом увлажнит свои глаза,
к престранным тяготеющий романам,
он будет зорек,

вдоль домов скользя.

Пока они хлопочут, как придется,
он будет их считать по одному,
чтоб здания, что разбрелись, как овцы,
согнать скорее к стаду своему.
И долго, как над нардами сутулясь,
он будет сам,

пока ему с руки,
распутывать хитросплетенья улиц
и душных переулков узелки.

И вот тогда (сто раз увидев это)
о, может быть, и сам я стану вновь
сентиментален,

как его рассветы,
и откровенен,
как его любовь.

ЖИТЕЛЬ ХЕВСУРЕТИИ И БЕЛЫЙ КОРАБЛЬ

Агафон Ардезиани, где ж твоя чохá?
Пьешь кефир в кафе, и кофе
пьешь,
и вновь — работа...
А затея на бумаге, как строка стиха,
так строга и так тиха
под каплями пота.

Ты корабль рисуешь белый,
грубый человек,
ты проводишь кистью белой по бумаге белой.
Час проходит, как мгновенье,
два мгновенья — век,
каждый взмах руки и кисти стоит жизни
целой.

Горец бредит кораблями:
руки — в якорях.
Тянет тиною от пашен, песен и подушек.
Ходит в булочниках лекарь,
пекарь — в токарях.
Сто дорог с собою кличут —
одна из них душит.

Белый-белый, как береза, борт у корабля,
белый, как перо у чайки. Он воды коснется...
Чей-то сын веселый утром встанет у руля:
«Ты прощай, земля!..» — и рыба
под волной проснется.

Сядет твой отец убитый в тот корабль живой.
Капитан команду вскрикнет. И на утре раннем
побегут барашки белые
над самой головой
вслед надеждам,
вслед тревогам,
вслед воспоминаньям...

ПОСЛЕДНИЙ МАНГАЛ

ТАМАЗУ ЧИЛАДЗЕ
ДЖАНСУГУ ЧАРКВИАНИ

Когда под хохот Куры и сплетни,
в холодной выпачканный золе,
вдруг закричал мангал последний,
что он — последний на всей земле,
мы все тогда над Курой сидели
и мясо сдабривали вином,
и два поэта в обнимку пели
о трудном счастье, о жестяном.
А тот мангал, словно пес — па запах
орехов, зелени, бастурмы,
качаясь, шел на железных лапах
к столу, за которым сидели мы.
И я клянусь вам, что я увидел,
как он в усердье своем простом,
как пес, которого мир обидел,
присел, вильнув жестяным хвостом.
Пропахший зеленью, как духами,
и шашлыками еще лютей,
он, словно свергнувший бог,
в духане
с надеждой слушал слова людей...
...Поэты плакали. Я смеялся.

Стакан покачивался
в руке,
и современно шипело мясо
на электрическом
очаге.

ПЕСЕНКА О ХУДОЖНИКЕ ПИРОСМАНИ

НИКОЛАЮ ГРИЦЮКУ

Что происходит с нами,
когда мы смотрим сны?
Художник Пиросмани
выходит из стены,

из рамок примитивных,
из всякой суеты
и продает картины
за порцию еды.

Худы его колени
и насторожен взгляд,
но сытые олени
с картин его глядят,

красотка Маргарита
в траве густой лежит,
а грудь ее открыта —
там родинка дрожит.

И вся земля ликует,
пирует и поет,

и он ее рисует
и Маргариту ждет.

Он жизнь любил не скупю,
как видно по всему...
Но не хватило супа
на всей земле
ему.

ГРИБОЕДОВ В ЦИНАНДАЛИ

Цинандальского парка осенняя дрожь.
Непредвиденный дождь.
Затяжкой.
В этот парк я с недавнего времени вхож —
мы почти породнились с княжной.

Петухи в Цинандали кричат до зари:
то ли празднуют, то ли грустят...
Острословов очкастых не любят цари, —
бог простит, а они не простят.

Петухи в Цинандали пророчат восход,
и под этот заманчивый крик
Грибоедов,

как после венчанья,
идет

по Аллее Любви

напрямик,
словно вовсе и не было дикой толпы
и ему еще можно пожить,
словно и не его

под скрипенье арбы
на Мтацминду везли хоронить;

словно женщина эта — еще не вдова,
и как будто бы ей ни к чему
на гранитном надгробье проплакать слова
смерти, горю,
любви и уму;

словно верит она в петушиный маневр,
как поэт торопливый — в строку...
Нет, княжна, я воспитан на лучший манер
и солгать вам, княжна, не могу,
и прощенья прошу за неловкость свою...
Но когда б вы представить могли,
как прекрасно —

упасть, и погибнуть в бою,
и воскреснуть, поднявшись с земли!

И, срывая очки, как винтовку —

с плеча,

и уже позабыв о себе,
прокричать про любовь

навсегда, сгоряча

прямо в рожу

орущей толпе!..

...Каждый куст в парке княжеском
мнит о себе.

Но над Персией — гуще гроза.
И спешит Грибоедов навстречу судьбе,
близоруко прищутив глаза.

ФРЕСКИ

1. ОХОТНИК

Спасибо, тебе, стрела,
спасибо, сестра,
что так ты кругла
и остра,
что оленю в горячий бок
входишь, как бог!
Спасибо тебе за твое уменье,
за чуткий сон в моем колчане,
за оперенье,
за тихое пенье...
Дай тебе бог воротиться ко мне!
Чтоб мясу быть жирным на целую треть,
чтоб кровь была густой и липкой,
олень не должен предчувствовать смерть...
Он должен
        умереть
                с улыбкой.

Когда окончится день,
я поклонюсь всем богам...
Спасибо тебе, Олень,
твоим ветвистым рогам,

мясу сладкому твоему,
побуревшему в огне и в дыму...
О Олень, не дрогнет моя рука,
твой дух торопится ко мне под крышу...
Спасибо, что ты не знаешь моего языка
и твоих проклятий я не услышу!

О, спасибо тебе, расстояние, что я
не увидел оленьих глаз,
когда он угас!..

2. ГОНЧАР

Красной глины беру прекрасный ломоть
и давить начинаю его и ломать,
плоть его мять, и месить, и молоть...
И когда остановится гончарный круг,
на красной чашке качнется вдруг
желтый бык — отпечаток с моей руки,
серый аист, пьющий из белой реки,
черный нищий,
поющий последний стих,
две красотки зеленых, пять рыб голубых...

Царь, а царь,
это рыбы раба твоего,
бык раба твоего...
Больше нет у него ничего.
Черный нищий, поющий во имя его,
от обид обалдевшего
раба твоего.

Царь, а царь,
хочешь, будем вдвоем рисковать:
ты башкой рисковать, я тебя рисовать?
Вместе будем с тобою
озоровать:

бога — побоку,
бабу — под бок, на кровать?!..

Царь, а царь,
когда ты устанешь из золота есть,
вели себе чашек моих принести,
где желтый бык —
отпечаток с моей руки,
серый аист, пьющий из белой реки,
черный нищий, поющий последний стих,
две красотки зеленых,
пять рыб голубых...

3. РАБ

Один шажок
и другой шажок,
а солнышко село...
О господин,
вот тебе стожок
и другой стожок
доброго сена!
И все стога
(ты у нас один)
и колода меда...
Пируй, господин,
до нового года!
Я амбар —
тебе,
а пожар —
себе...
Я рвань,
я дрянь,
меня жалеть опасно.
А ты живи праздно:
сам ешь, не давай никому...

Пусть тебе — прекрасно,
госпоже — прекрасно,
холуям — прекрасно,
а плохо пусть —
топору твоему!

РУИСПИРИ

ШУТОЧНАЯ БАЛЛАДА

ПОСВЯЩАЕТСЯ АРЧИЛУ ОКУДЖАВА

1

Красноватой коры красота.
Черепичина кровель.
Мха короста.
И Гомборская высота,
ястребиной крапленая кровью.
Все так просто!

Предзакатные тени тихи.
В руиспирском духане
духанщик —
счастливый обманщик —
в десятом стакане
мой воспевает грехи.

Виноградным вином я не брезгую,
я не брезглив.
Он хохочет:
он не верит мне трезвому,
и беседовать так, не в розлив,
он не хочет.

Пью и эдак и так,
натощак,
неумело и скверно...
(До ближайших писак —
с полстолетья, наверно.)

Прислонившись спиной к жерновам,
он как будто бы дразнится.
Я учу его трезвым словам,
учит он меня праздности.
Я пытаюсь его усмирить,
как придется,
разумнее быть
призываю...
Учит он меня весело жить
и смеется,
бездонный свой рот разевая.

Десять бочек пусты.
Я не пьян.
Но не вышло бы боком!..
Он — двухсотый стакан
за мое красноречие:
«С богом!..»

Двадцать бочек лежат на дворе,
совершенно пустые.
На вечерней заре
отношения очень простые.
Сорок бочек лежат на дворе.
Это мы их распили
на вечерней заре
на краю у села Руиспири!

Все так правильно в этом краю,
как в раю!
Не его ли мы ищем?
Я себя узнаю,
потому что здесь воздух очищен.
Все слова мной оставлены там,
в городах,
позабыты.
Все обиды,
словно досками окна в домах,
позабиты.
Все причуды
(их там целые груды,
словно горы невытой посуды
побитой).

Где-то там,
свой покой сторожа,
и велик, хоть и прожит,
мой последний любимый ханжа
до меня дотянуться не может.

Нет земли.
Вся земля — между небом и мною.
Остальное —
одни пустыки.
И последний альпийский цветок,
что не пробовал зноя,
в городские не верит стихи...

2

...По ущелью молочный туман
проползает змеєю.
Я об этом кричу изумленно...
Мне духанщик подносит туман
(я не пьян)

вместе с этой землею
влюбленно.
Я кричу про зарю.
Он зарю
мне на блюде подносит,
и взамен ничего он не просит.
Я немую!..
Только сам ничего не дарю —
не умею.

Он в ладонь мое сердце берет,
он берет мою душу,
как врач, осторожно...
И при этом поет...
Я не то чтобы трушу —
мне просто тревожно.

— Что?
Зачем?
Для чего?
Почему?! —
так кричу я.

Но помощник его,
словно фельдшер, к нему
подбегает, танцуя.
Из каких-то там недр
извлекает он рыбу и зелень...
Он по-дьявольски щедр
и по-ангельски как-то рассеян.
Сыплет зелень на сердце мое
и на душу, с лихвою.
А духанщик поет
и качает своей головою,
и лежат они: сердце, душа.
Свежий ветер ущелий и речек
между ними струится, шурша:
лечит, лечит...

3

...Не хочу уезжать. Наотрез.
Чтобы снова томиться?..
Я как стеклышко трезв.

И шашлык на мангале дымится.
Но духанщик подносит мне рог
(свой восторг
выражает),
и меня по-приятельски — в бок,
и трезвее, чем бог,
вслед за мной — на порог:
провожает,
и за счастье дорог
тост последний свой
провозглашает.

4

Спят земля,
общепит и нарпит,
и котлеты с лапшою...
Лишь село Рунспири не спит,
над моею врачуя душою.

Где-то там, по земле, я хожу,
обуянный огнем суеты

и тщеславьем охвачен,
как жаждой в пустыне...
Но отсюда, как бог, я гляжу
на себя самого с высоты
и себе самому ничего не прощаю отныне.

Никакого духана здесь нет.
Ничего с нас не спросят,
если даже мы что-нибудь скрыли
от любви и от долга...
Но, однако, пускай как на свет
нас на эти высоты возносят
наши белые крылья
хотя б ненадолго...

Возноситесь сюда
иногда...
Здесь колхозники
очень щедры.
Что — пиры?
Есть на свете важнее дары:

в ранний час, когда ветер затих
и затихли рассветные речи и рощи,
поглядите отсюда на землю, на себя на
самых —
сразу многое станет яснее и проще.

ФРАНСУА ВИЙОН

Пока земля еще вертится, пока еще
ярок свет,
господи, дай же ты каждому,
чего у него нет:
мудрому дай голову, трусливому дай
коня,
дай счастливому денег...
И не забудь про меня.

Пока земля еще вертится, — господи,
твоя власть! —
дай рвущемуся к власти
навластвовать всласть,
дай передышку щедрому,
хоть до исхода дня,
Каину дай раскаяние...
И не забудь про меня.

Я знаю: ты все умеешь,
я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый, что он
проживает в раю,

как верит каждое ухо тихим речам
твоим,
как веруем и мы сами, не ведая,
что творим!

Господи мой боже, зеленоглазый
мой!
Пока земля еще вертится, и это ей
странно самой,
пока ей еще хватает времени и огня,
дай же ты всем понемногу...
И не забудь про меня.

ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ

Красный петух.

Октябрь золотой.

Тополь серебряный.

Разве есть что на свете

их перьев, и листьев, и пуха целебнее?

Нужно к ранам (вот именно)

к свежим (естественно)

их приложить...

Если свежие раны, конечно,

вы успели уже заслужить.

Это пестрое, шумное, страстное

нужно с рассвета и затемно

собирать, и копить, и хранить, и ценить

обязательно,

чтобы к ранам (вот именно)

к свежим (естественно)

их приложить...

если свежие раны, конечно,

вы сумели уже заслужить.

Как трудны эти три работенки:

Надежда, Любовь и Пристрастие!

Оттого-то, паверно, и нет на земле

работенки прекраснее.

КАК НАУЧИТЬСЯ РИСОВАТЬ

Если ты хочешь стать живописцем, ты рисовать
не спеши.
Разные кисти из шерсти барсучьей перед собой
разложи,
белую краску возьми, потому что это — начало,
потом
желтую краску возьми, потому что все созревает,
потом
серую краску возьми, если осень в небо плеснула
свинец,
черную краску возьми, потому что есть у начала
конец,
краски лиловой возьми пощедрее,
смейся и плачь,
а потом
синюю краску возьми, чтобы вечер птицей слетел на
ладонь,
красную краску возьми, чтобы пламя затрепетало,
потом
краски зеленой возьми, чтобы веток в красный
подбросить огонь.

Перемешай эти краски, как страсти, в сердце своем,
а потом
перемешай эти краски и сердце
с небом, с землей,
а потом...
Главное — это сгореть и, сгорая, не сокрушаться
о том.
Может быть, кто и осудит сначала,
но не забудет потом!

О ДРОЗДАХ

Чем старей,
                                тем скорей
  расслабляются
  пятерни якорей.

И надежды смешней,
                                а потребность в надеждах
  острей,
и в прекрасных залатанных крыльях
  (как ты ими ни шевелишь)
только гордость одна и осталась...
  Далеко ли на ней улетишь?

Уж какую весну,
                                черный дрозд, —
  я пытаюсь взлететь —
  не могу.

Не жалейте дроздов:
                                нам, дроздам, как солдатам,
  все равно погибать на бегу.

Ну, так пусть же на тающем снеге апрельском
  мелькнет иногда
не упрек, не намек, —
                                просто черный комок
  путешествующего дрозда.

ведь кто-то что-то произнес,
и что-то в этом было!
Смешались дети, старики,
смешались все одежды.

— Земля!..—

кричали остряки
одесские
с надеждой.

— Земля! —

и, к пристани валя,
хватали снег руками...

Воистину

была земля
у них под каблуками.

Таким я город повстречал,
и, радости не пряча,
я сам кричал:

— Земля!..—

кричал:
— Земля!..—

смеясь и плача.

ПИСЬМО АНТОКОЛЬСКОМУ

Здравствуйте, Павел Григорьевич!

Всем штормам вопреки,
пока конфликты улаживаются и рушатся материки,
крепкое наше суденышко летит по волнам стрелой,
и его добротное тело пахнет свежей смолой.

Работа наша матросская призывает бодрствовать нас,
хоть вы меня и постарше, а я помоложе вас
(а может быть, вы моложе, а я намного старей)...
Ну что нам все эти глупости?

Главное — плыть поскорей.

Киплинг, как леший, в морскую дудку насвистывает
без конца,
Блок над картой морей просиживает, не поднимая
лица,
Пушкин долги подсчитывает,
и, от вечной петли спасен,
в море вглядывается с мачты вор Франсуа Вийон!

Быть может, завтра меня матросы под бульканье
высадят на одинокий остров с мешком гнилых
и рулевой равнодушно встанет за штурвальное
и кто-то выругается сквозь зубы
на прощание мне в лицо.

Быть может, все это так и будет. Я точно знать
Но лучше пусть это будет в море, чем
И лучше пусть меня судят матросы от берегов вдаль,
чем презирающие море обитатели твердой земли...

До свидания, Павел Григорьевич!

Нам сдаваться нельзя.
Все враги после нашей смерти запишутся к нам
Но перед бурей всегда надежней в будущее глядеть...
Самые чистые рубахи велит капитан надеть!

ЯРОСЛАВУ СМЕЛЯКОВУ

В детстве мне встретился как-то кузнечик
в дебрях колечек трав
и осок.

Прямо с колючек, словно с крылечек,
спрыгивал он, как танцор,
на носок,

передо мною маячил мгновенье
и исчезал иноходцем
в траве...

Может быть, первое стихотвореньё
зрело в зеленой его голове.

— Намереваюсь! — кричал тот кузнечик.

— Может ли быть? — усмехался сверчок.

Из-за досок, из щелей, из-за печек
крался насмешливый этот
басок.

Но из-за речек, с лугов отдаленных:

— Намереваюсь! — как песня, как гром...

Я их встречал, голубых и зеленых.

Печка и луг им служили
жилем.

Печка и Луг — разделенный на части
 счастья житейского
 замкнутый круг,
 к чести его обитателей частых,
 честных, не праздных, как
 Печка и Луг,
 маленьких рук постоянно стремленье,
 маленьких мук постоянна
 волна...

Племени этого столпотворенья
 не успокоят ни мир,
 ни война,
 ни уговоры его не излечат,
 ни приговоры друзей
 и врагов...

— Может ли быть?! — как всегда, из-за печек.
 — Намереваюсь! — грохочет с лугов.
 Годы прошли, да похвастаться нечем.
 Те же дожди, те же зимы
 и зной.

Прожита жизнь, но все тот же кузничик
 пляшет и кружится передо
 мной.

Гордый бессмертьем своим непреклонным,
мировоззреньем своим
просветленным,
скачет, куражится, ест за двоих...
Но не молчит и сверчок тот бессонный.
Все усмехается.
Что мы — для них?

ПЕСЕНКА О НОЧНОЙ МОСКВЕ

БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ

Когда внезапно возникает еще неясный голос труб,
слова, как ястребы ночные, срываются с горячих губ,
мелодия, как дождь случайный, гремит;
и бродит меж людьми
надежды маленький оркестрик под управлением
любви.

В года разлук, в года сражений, когда свинцовые
дожди
лупили так по нашим спинам, что снисхождения
не жди,
и командиры все охрипли...
он брал команду над людьми,
надежды маленький оркестрик под управлением
любви.

Кларнет пробит, труба помята,
фагот, как старый посох, стерт,
на барабане швы разлезлись...
Но кларнетист красив, как черт!

Флейтист, как юный князь, изящен...

И вечно в сговоре с людьми
надежды маленький оркестрик под управлением
любви.

МОЙ КАРАНДАШНЫЙ ПОРТРЕТ

Шуршат, шуршат карандаши
за упокой живой души.
Шуршат не нашуршатся,
а вскрикнуть не решатся.
А у меня горит душа,
но что возьмешь с карандаша:
он правил не нарушит
и душу мне потушит.
...Последний штрих, и вот уже
я выполнен в карандаше,
мой фаз увековечен...
Но бушевать мне нечем,
и жилка не стучит в висок,
хоть белый лоб мой так высок,
и я гляжу бесстрастно
куда-то все в пространство.
Как будет назван тот портрет?
«Учитель»,
«Каменщик»,
«Поэт»,
«Немой свидетель века»?..
Но мне ли верить в это?

Я смертен. Я горю в огне.
Он вечен в рамке на стене
и премией отмечен...
...да плакать ему
  нечем.

СТИХИ, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ КРАТКИМ РУКОВОДСТВОМ ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ ПУГАЧОМ

...Когда почувствуешь недомоганье вдруг,
купи пугач

в отделе игр,
мой друг.

Стрельни налево,
и стрельни направо,
и в стол швырни.

Недолгая забава.
И жизнь идет. И свет сменяет темь.
Все прежнее вокруг.

А между тем
как будто выраженье глаз иное,
и темечко все как-то странно поет.
Представь себе:

случилось так, что ты
вдруг отупел от слов и суеты
и наступила главная проверка,
как в ателье — последняя примерка.
И ты берешь пугач (к нему привык),
к виску подносишь — он к виску прищипк,
смеешься ты:

ведь он не убивает...

Но в принципе все точно так бывает:
его — к виску, а он к виску приник,
вся жизнь прошла за краткий этот миг,
все вспомнилось, что не было и было...

И темечко

как бы к дождю заныло.

Затем обратно в стол его швырни:

он пригодится на другие дни.

Тебя холодный этот душ окатит —

на день-другой, глядишь, его и хватит.

Купи пугач, купи!

Тебе не в труд.

Он безопасен.

С ним не заберут.

Побалагуришь —

и пройдет тоска...

...Всё пугачи мы держим у виска!

ТЕЛЕГРАФ МОЕЙ ДУШИ

Стихло в улицах вранье.
Замерло движенье.
Улетело воронье
на поля сраженья.

Лишь ползут из тишины,
сердце разрывая,
как извозчики войны,
красные трамваи.

Надеваю шинель —
главную одежду,
понимаю сильней
всякую надежду.

Замирает в тиши
чуткий, голосистый
телеграф моей души:
нет телеграфиста.

Он несет свой синий кант
по сраженьям грозным.

Он уже прописан там.
Там с пропиской просто.

Южный фронт. Бельэтаж.
У конца дороги.
От угла — второй блиндаж...
Вытирайте ноги!

ДЕТСКИЙ РИСУНОК

Вот площадь в сентябрьском стиле.
Вот девочка в узком окне.
Две белых ладони застыли,
как память ее о весне.

На эту осеннюю площадь
чудесную лошадь веду.
Лиловая умная лошадь
шагает за мной в поводу.

В губах — золотой подорожник,
зеленая грива густа...
Какой сумасшедший художник
позволил сойти ей с холста?

Походкой своей неземною
она потешает народ,
но счастлив я знать, что за мною
лиловая лошадь идет,

что эта зеленая грива,
как поздняя нива, густа...

Уж если она некрасива,
что значит тогда красота?

От хохота рушится площадь,
хватается всяк за живот...
Но тихая, умная лошадь
по городу гордо идет,

под узким оконцем шагает,
и видит она над собой,
как с белой ладони слетает
счастливый петух голубой.

ОЛЕ

Ты — мальчик мой, мой белый свет,
оруженосец мой примерный.
В круговороте дней и лет
какие ждут нас перемены?
Какие примут нас века?
Какие смехом нас проводят?..
Живем как будто в половодье...
Как хочется наверняка!

ЗАМОК НАДЕЖДЫ

Я строил замок надежды. Строил-строил.
Глину месил. Холодные камни носил.
Помощи не просил.

Мир так устроен:
была бы надежда. Пусть не хватает сил.

А время шло. Времена года сменялись.
Лето жарило камни. Мороз их жег.
Прилетали белые сороки — смеялись.
Мне было тогда наплевать
на белых сорок.

Лепил я птицу. С красным пером. Лесную.
Безымянную птицу, которую так люблю.
«Жизнь коротка. Не успеешь, дурак...»
Рискую.
Женщина уходит, посмеиваясь.
Леплю.

Коронованный всеми празднествами, всеми
боями,
строю-строю.
Задубела моя броня...

Все лесные свирели, все дудочки, все баяны,
плачьте,
    плачьте,
        плачьте
            вместо меня.

ПОСЛЕДНИЙ ПИРАТ

В районной пивной, на сквозном ветерке,
гуляет Последний Пират.
С малиновым камнем в старинной серьге
идет он в последний парад.

Десятая кружка, добра, как вдова,
плывет, подбоченясь, к нему,
и вобла срывает с себя кружева,
готова уже ко всему.

И пена пивная дрожит на столах,
и брызги слетают с руки,
и красные рыбки в зеленых глазах
свои совершают круги.

Все денежки пропиты.

Руки — на стол!

Я сам из последних плачу
и сам поминаю соленый простор
и как ординарец шучу,
что прокляли б мы наш исхоженный шар
и сами бы сдохли с тоски,

когда б не малиновый этот пожар
серебряной этой серьги.
Когда б не улыбки буфетных ворон,
не пеньё фабричной трубы,
когда б не качался под нами перрон,
как палуба нашей судьбы.

ПРОЩАНИЕ С НОВОГОДНЕЙ ЕЛКОЙ

ЗОЕ КРАХМАЛЬНИКОВОЙ

Синяя крона, малиновый ствол, звяканье шишек
зеленых.
Где-то по комнатам ветер прошел: там поздравляли
влюбленных,
где-то он старые струны задел — слышится их
перекличка...
Вот и январь накатил-налетел, бешеный
как электричка.

Мы в пух и прах наряжали тебя. Мы тебе верно
служили,
громко в картонные трубы трубя, словно на подвиг
спешили.
Даже поверилось где-то на миг (знать, в простодушьи
сердечном):
женщины той очарованный лик
слит с твоим празднеством вечным.

В миг расставания, в час платежа, в день увяданья
недели
чем это стала ты нехороша? Что они все, одурели?!
недели

И утонченные как соловьи, гордые как гренадеры,
что же надежные руки свои прячут твои ухажеры?

Нет бы собраться им — время унять, нет бы им всем
расстараться.

Но начинают колеса стучать: как тяжело
расставаться!

Но начинается вновь суета. Время по-своему судит.
И в суете тебя сняли с креста, и воскресенья
не будет.

Ель моя, Ель — уходящий олень, зря ты, наверно,
старалась:
женщины той осторожная тень в хвое твоей
затерялась!

Ель моя, Ель, словно Спас на крови твой силуэт
отдаленный,
будто бы след удивленной любви, вспыхнувшей,
неутоленной.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕИЧ

С. П. ЩИПАЧЕВУ

Не представляю Пушкина без падающего
снега,
бронзового Пушкина, что в плащ укрыт.
Когда снежинки белые закружатся с неба,
мне кажется, что бронза тихо звенит.

Не представляю родины без этого звона.
В сердце ее он успел врасли,
как его поношенный сюртук зеленый,
железная трость и перо — в горсти.

Звени, звени, бронза. Вот так и согреешься.
Падайте, снежинки, на плечи ему...
У тех — все утехи, у этих — все зрелища,
а Александр Сергеича
ждут в том дому.

И пока, на славу устав надеяться,
мы к благополучию спешим нелегко,
там гулять готовятся
господа гвардейцы
и к столу скликают
«Вдова Клико»,

там напропалую, как перед всем светом,
как перед любовью — всегда правы...
Что ж мы осторожничаем?

Мудрость не в этом.
Со своим веком можно ль на «вы»?

По Пушкинской площади
плещут страсти,
трамвайные жаворонки, грех и смех...
Да не суетитесь вы!

Не в этом счастье.
Александр Сергеич помнит про всех...

СЧАСТЛИВЧИК

Александрю Сергеичу хорошо!
Ему прекрасно!

Гудит мельничное
колесо,

боль угасла,
баба щурится
из избы,

в поле — жаворонки,
только десять минут езды
до ближней

ярмарки.

У него — ремесло первый сорт,
и перо

быстро...

Он губаст и учен, как черт,
и все ему

просто:

жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой

смерти.

Очень вежливы и тихи,
делами замученные,
жандармы

его стихи
на память заучивали!
Даже царь приглашал его в дом,
желая при этом
потрепаться о том о сем
с таким поэтом.
Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.
Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Черной речки.

Умереть —
тоже надо уметь,
на свидание к небесам
паруса выбирая тугие.
Хорошо, если сам,
хуже, если помогут другие.

Смерть приходит тиха,
бестелесна,
у себя на уме.
Грустных слов чепуха
неуместна,
как холодное платье — к зиме.

И о чем толковать?
Вечный спор
не решил ни Христос, ни Иуда...
Если т а м — благодать,
что ж никто до сих пор
не вернулся с известьем оттуда?

Умереть —
тоже надо уметь,

как прожить
от признанья до сплетни,
и успеть
предпоследний мазок положить,
сколотить
табурет предпоследний,
чтобы к самому сроку
как в пол — предпоследнюю чашу,
предпоследние слезы — со щек...

А последнее — богу,
последнее — это не наше,
последнее — это не в счет.

Умереть —
тоже надо уметь,
как бы жизнь ни ломала
упрямо и часто...

Отпущенье грехов займеть —
ах, как этого мало
для вечного счастья!

Сбитый с ног
наповал
отпущением, что он добудет?
Если б бог
отпущенье давал!
А дают-то ведь люди...

Что — грехи?.. Остаются стихи,
продолжают бесчинства по свету,
не прося снисхожденья...
Да когда бы взаправду — грехи,
а грехов-то ведь нету —
есть просто движенье.

Мгновенно слово.

Короток век.

Где ж уместается человек?
Как и когда и в какой глуши
распускаются розы его души?
Как умудряется он успеть
свое промолчать и свое пропеть,
по планете просеменить,
гнев на милость переменить?
Как умудряется он, чудак,
на ярмарке

поцелует и драк,
в славословии и пальбе
выбрать только любовь себе?
Осколок выплеснет его кровь:
«Вот тебе за твою любовь!»
Пощечины перепадут в рай:
«Вот тебе за любовь твою!»...
И все ж умудряется он, чудак,
на ярмарке

поцелует и драк,
в славословии
и гульбе
выбрать только любовь себе!

Ты падаешь навзничь, без сил,
и явью становится сущей:
стучат конвоиры осин
прикладами веток и сучьев.
Ах, это молчанье стучит,
и в этом молчаньи стучащем
паук паутинку сучит
заботливо так и с участием.
Ах, это стучит тишина,
стучит, словно дятел хохлатый,
стучит кулачками жена,
считая весь мир виноватым...
Ты падаешь наверняка,
ты этого крика боялся,
не ждал ты того паренька
в цигейковой шапке боярской.
Ты думал, что это старик,
что будет простым поединком,
а это мальчишка стоит
в дожде городских паутинок,
с улыбкой скворца и гонца
весны, что еще не звучала...
И нет поединкам конца,
а только — начала, пачала...

МОИ ПЕСНИ

ПО СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ

По Смоленской дороге — леса, леса, леса.
По Смоленской дороге — столбы, столбы, столбы.
Над Смоленской дорогою, как твои глаза, —
две вечерних звезды — голубых моих судьбы.

По Смоленской дороге — метель в лицо, в лицо,
всё нас из дому гонят дела, дела, дела.
Может, будь понадежнее рук твоих кольцо —
покороче б, наверно, дорога мне легла.

По Смоленской дороге — леса, леса, леса.
По Смоленской дороге — столбы гудят, гудят.
На дорогу Смоленскую, как твои глаза,
две холодных звезды голубых глядят, глядят.

Опустите, пожалуйста, синие шторы.
Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.
Вот стоят у постели моей кредиторы
молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.

Раскошелиться б сыну недолгого века,
да пусты кошельки упадают с руки...
Не грусти, не печалуйся, о моя Вера,—
остаются еще у тебя должники!

И еще я скажу и бессильно и нежно,
две руки виновато губами лоя:
— Не грусти, не печалуйся, мать Надежда,—
есть еще на земле у тебя сыновья!

Протяну я Любви ладони пустые,
покаянный услышу я голос ее:
— Не грусти, не печалуйся, память не стынет,
я себя раздарила во имя твое.

Но какие бы руки тебя ни ласкали,
как бы пламень тебя ни сжигал неземной,

в троекратном размере болтливость людская
за тебя расплатилась... Ты чист предо мной!

Чистый-чистый живу я в наплывах рассветных,
перед самым рождением нового дня...
Три сестры, три жены, три судьи милосердных
открывают бессрочный кредит для меня.

ДЕЖУРНЫЙ ПО АПРЕЛЮ

Ах, какие удивительные ночи!
Только мама моя в грусти и тревоге:
— Что же ты гуляешь, мой сыночек,
одинокий,
одинокий? —
Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и круглее и добрее...
— Мама, мама, это я дежурю,
я — дежурный
по апрелю!

— Мой сыночек, вспоминаю все, что было,
стали грустными глаза твои, сыночек...
Может быть, она тебя забыла,
знать не хочет?
Знать не хочет?
Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и круглее и добрее...
— Что ты, мама! Просто я дежурю,
я — дежурный
по апрелю...

ПЕСЕНКА О КОМСОМОЛЬСКОЙ БОГИНЕ

Я смотрю на фотокарточку:
две косички, строгий взгляд,
и мальчишеская курточка,
и друзья кругом стоят.
За окном все дождик тенькает:
там ненастье во дворе.
Но привычно пальцы тонкие
прикоснулись к кобуре.

Вот скоро дом она покинет,
вот скоро вспыхнет гром кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!

На углу у старой булочной,
там, где лето пыль метет,
в синей маечке-футболочке
комсомолочка идет.
А ее коса острижена,
в парикмахерской лежит.
Лишь одно колечко рыжее
на виске ее дрожит.

И никаких богов в помине,
лишь только дела гром кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!

ПРОЩАНИЕ С ПОЛЬШЕЙ

АГНЕШКЕ ОСЕЦКОЙ

Мы связаны, Агнешка, давно одной судьбою
в прощанье и в прощенье, и в смехе и в слезах:
когда трубач над Краковом возносится с трубою —
хватаясь я за саблю с надеждою в глазах.

Потертые костюмы сидят на нас прилично,
и плачут наши сестры, как Ярославны, вслед,
когда под крик гармоник уходим мы привычно
сражаться за свободу в свои семнадцать лет.

Прошу у вас прощенья за раннее прощанье,
за долгое молчанье, за поздние слова...
Нам встречи подарили пустые обещанья,
от них у нас, Агнешка, кружится голова.

Над Краковом убитый трубач трубит бессменно,
любовь его безмерна, сигнал тревоги чист.
Мы — школьники, Агнешка; и скоро — перемена,
и чья-то радиола наигрывает твист.

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ...

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли —
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли за солдатом солдат...
До свидания, мальчики!

Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат,
и себя не щадите...

Но все-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб — разлуки и дым!
Наши девочки платица белые
раздарили сестренкам своим.
Сапоги... Ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки!
Мы сведем с ними счеты потом.

Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной наугад...

До свидания, девочки!

Девочки,
постарайтесь вернуться назад!

ПЕСЕНКА О БАРАБАННОМ ПЕРЕУЛКЕ

В Барабанном переулке барабанщики живут.
Поутру они как встанут, барабаны как возьмут,
как ударят в барабаны, двери настежь отворя...
Где же, где же, барабанщик, барабанищица твоя?

В Барабанном переулке барабанщиц нет, хоть
плачь.
Лишь грохочут барабаны ненасытные, хоть прячь.
То ли утренние зори... То ль вечерняя заря...
Где же, где же, барабанщик, барабанищица твоя?

Барабанщик пестрый бантик к барабану привязал,
барабану бить побудку, как по буквам, приказал
и пошел по переулку, что-то в сердце затая...
Где же, где же, барабанщик, барабанищица твоя?

А в соседнем переулке барабанищицы живут
и, конечно, в переулке очень добрыми слывут.
И за ними ведь не надо отпрапляться за моря...
Но где же, где же, барабанщик, барабанищица твоя?

ЧУДЕСНЫЙ ВАЛЬС

Ю. ЛЕВИТАНСКОМУ

Музыкант в лесу под деревом
наигрывает вальс.
Он наигрывает вальс
то ласково, то страстно.
Что касается меня,
то я опять гляжу на вас,
а вы смотрите на него,
а он глядит в пространство.

Целый век играет музыка. Затянулся наш пикник.
Тот пикник, где пьют и плачут,
любят и бросают.
Музыкант приник губами к флейте.
Я бы к вам приник!
Но вы, наверно, тот родник,
который не спасает.

А музыкант играет вальс.
И он не видит ничего.
Он стоит, к стволу березовому прислонясь плечами.

И березовые ветки
  вместо пальцев у него,
а глаза его березовые
  строги и печальны.

А перед ним стоит сосна
  вся в ожидании весны.
А музыкант вращается в землю...
  Звуки вальса льются..

И его худые ноги
  как будто корни той сосны —
они в земле переплетаются,
  никак не расплетутся.

Целый век играет музыка.
  Затянулся наш роман.
Он затянулся в узелок, горит он — не сгорает...
Ну давайте ж успокоимся!
  Разойдемся по домам!..

Но вы глядите на него...
  А музыкант играет.

ЖИВОПИСЦЫ

Ю. ВАСИЛЬЕВУ

Живописцы, окуните ваши кисти
в суету дворов арбатских
и в зарю,
чтобы были ваши кисти
словно листья.
Словно листья,
словно листья
к ноябрю.
Окуните ваши кисти в голубое
по традиции забытой
городской,
парисуйте
и прилежно и с любовью,
как с любовью
мы проходим
по Тверской.
Мостовая пусть качнется, как очнется!
Пусть начнется,
что еще не началось!
Вы рисуйте,
вы рисуйте,
вам зачтется...

Что гадать нам:

удалось — не удалось?

Вы, как судьи, нарисуйте наши судьбы,
наше лето, нашу зиму и весну...

Ничего, что мы — чужие.

Вы рисуйте!

Я потом,

что непонятно,

объясню.

Эта женщина! Увижу и немею.
Потому-то, понимаешь, не гляжу.
Ни кукушкам, ни ромашкам я не верю
и к цыганкам, понимаешь, не хожу.
Набормочут: «Не люби ее такую!»
Напророчат: «До рассвета заживет!»
Наколдуют, нагадают, накукуют...

А она на нашей улице живет!

МОСКОВСКИЙ МУРАВЕЙ

Не тридцать лет, а триста лет иду, представьте вы,
По этим древним площадям, по голубым торцам,
Мой город носит высший чин и звание Москвы,
Но он навстречу всем гостям всегда выходит сам.

Иду по улицам его в рассветной тишине,
Бегу по улицам кривым (простите, городá)...
Но я — московский муравей, и нет покоя мне,
Так было триста лет назад и будет так всегда.

Ах, этот город, он такой, похожий на меня:
То грустен он, то весел он, но он всегда высок...
Что там за девочка в руке несет кусочек дня,
Как будто завтрак в узелке мне, муравью, несет?

Мне нужно на кого-нибудь молиться.
Подумайте, простому муравью
вдруг захотелось в ноженьки валиться,
поверить в очарованность свою!

И муравья тогда покой покинул,
все показалось будничным ему,
и муравей создал себе богиню
по образу и духу своему.

И в день седьмой, в какое-то мгновенье,
она возникла из ночных огней
без всякого небесного знаменья...
Пальтишко было легкое на ней.

Всё позабыв — и радости и муки,
он двери распахнул в свое жилье
и целовал обветренные руки
и старенькие туфельки ее.

И тени их качались на пороге.
Безмолвный разговор они вели,
красивые и мудрые, как боги,
и грустные, как жители земли.

ПЕСЕНКА О КАПЛЯХ ДАТСКОГО КОРОЛЯ

В. МОТЫЛЮ

Капли Датского короля или королевы —
это крепче, чем вино, слаще карамели
и сильнее клеветы, страха и холеры...
Капли Датского короля пейте, кавалеры!

Рев орудий, посвист пуль, звон штыков и сабель
растворяются легко в звоне этих капель.
Солнце, май, Арбат, любовь — выше нет
карьеры...
Капли Датского короля пейте, кавалеры!

Если правду прокричать вам мешает кашель,
не забудьте отхлебнуть этих чудных капель,
перед вами пусть встают прошлого примеры...
Капли Датского короля пейте, кавалеры!

Слава головы кружит, власть сердца щекочет.
Грош цента тому, кто встать над другим
захочет...
Укрепляйте организм, принимайте меры...
Капли Датского короля пейте, кавалеры!

Тьмою здесь все занавешено
и тишина как на дне...
Ваше величество женщина,
да неужели — ко мне?

Тусклое здесь электричество,
с крыши сочится вода.
Женщина, ваше величество,
как вы решились сюда?

О, ваш приход — как пожарнице.
Дымно, и трудно дышать...
Ну, заходите, пожалуйста.
Что ж на пороге стоять?

Кто вы такая? Откуда вы?!
Ах, я смешной человек...
Просто вы дверь перепутали,
улицу, город и век.

...И когда под вечер над тобою
журавли охрипшие летят,
ситцевые женщины толпою
сходятся — затмить тебя хотят.

Молчаливы. Ко всему готовы.
Окружают, красотой соря...
Ситцевые, ситцевые, что вы!
Вы с ума сошли: она ж — своя!

Там, за поворотом Малой Бронной,
где окно распахнуто на юг,
за ее испуганные брови
десять пар непуганых дают.

Тех, которые ее любили,
навсегда связала с ней судьба.
И за голубями голубыми
больше не уходят ястреба.

Вот и мне не вырваться из плена.
Так кружиться мне, и так мне жить.

Я — алхимик.
Ты — моя проблема
вечная...
тебя не разрешить.

ПЕСЕНКА О ФОНТАНКЕ

По Фонтанке,
по Фонтанке,
по Фонтанке
лодки белые холеные плывут.
На Фонтанке,
на Фонтанке,
на Фонтанке
ленинградцы удивленные живут.

От войны еще красуются плакаты,
и погибших еще снятся голоса.
Но давно уж — ни осады, ни блокады, —
только ваши удивленные глаза.

Я — приезжий.

Скромно стану в отдалении.
Слов красивых и напрасных не скажу:
что я знаю?..

Лишь на ваше удивленье
удивленными глазами погляжу.

Часовые любви на Смоленской стоят.
Часовые любви у Никитских не спят.
Часовые любви
по Петровке идут неизменно...
Часовым полагается смена.

О великая вечная армия,
где не властны слова и рубли,
где все — рядовые: ведь маршалов нет у любви!
Пусть поход никогда ваш не кончится.
О, когда б только эти войска!..
Сквозь зимы и вьюги к Москве подступает весна.

Часовые любви на Волхонке стоят.
Часовые любви на Неглинной не спят.
Часовые любви
по Арбату идут неизменно...
Часовым полагается смена.

СОДЕРЖАНИЕ

Март великодушный	7
«Человек стремится в простоту...»	9
«Строитель, возведи мне дом...»	10
«Продолжается музыка возле меня...»	11
«Я никогда не витал, не витал...»	12
Прощание с осенью	13
Трамвай	17
«Магическое «два»...»	19
В городском саду	20
Встреча	22
«Пробралась в нашу жизнь клевета...»	24
Эта комната	26
«Я дарю тебе к светлому празднику...»	28
Подмосковье	29
«То падая, то снова нарастая...»	36
Фотографии друзей	37
«Когда затихают оркестры Земли...»	39
Божественное	40
Голубой человек	42
Дорожная фантазия	44
Музыка	46
Тбилиси	49

Житель Хевсуретии и белый корабль	51
Последний мангал	53
Песенка о художнике Пиросмани	55
Грибоедов в Цинандали	57
Фрески	60
1. Охотник	60
2. Гончар	61
3. Раб	63
Руиспири (Шуточная баллада)	65
Франсуа Вийон	75
Тиль Уленшпигель	77
Как научиться рисовать	79
О дроздах	81
Январь в Одессе	83
Письмо Антокольскому	85
«В детстве мне встретился...»	87
Песенка о почной Москве	90
Мой карандашный портрет	92
Стихи, являющиеся кратким руководством для пользо- вания пугачом	94
Телеграф моей души	96
Детский рисунок	98
«Ты — мальчик мой, мой белый свет...»	100
Замок надежды	101
Последний пират	103
Прощание с новогодней елкой	105
Александр Сергеевич	107

Счастличик	109
«Умереть — тоже надо уметь...»	111
«Мгновенно слово...»	114
«Ты падаешь навзничь, без сил...»	115
Мои песни	
По Смоленской дороге	117
«Опустите, пожалуйста, синие шторы...»	118
Дежурный по апрелю	120
Песенка о комсомольской богине	121
Прощание с Польшей	123
До свидания, мальчики...	124
Песенка о Барабанном переулке	126
Чудесный вальс	127
Живописцы	129
«Эта женщина! Увижу и немею...»	131
Московский муравей	132
«Мне нужно на кого-нибудь молиться...»	133
Песенка о каплях Датского короля	135
«Тьмою здесь все занавешено...»	136
«...И когда под вечер над тобою...»	137
Песенка о Фонтанке	139
«Часовые любви на Смоленской стоят...»	140

БУЛАТ ОКУДЖАВА

МАРТ ВЕЛИКОДУШНЫЕ

М., «Советский писатель», 1967,

144 стр.

Тем. план вып. 1967 г. № 179.

Редактор В. С. Фогельсон
Худож. редактор В. В. Медведев
Техн. редактор Ф. Г. Шапиро
Корректор Ф. Л. Эльштейн

Сдано в набор 21/II 1967 г. Подпи-
сано к печати 13/V 1967 г. А 01520.
Бумага 60×108¹/₃₂. № 1. Печ. л. 4¹/₂
(5,40). Уч-изд. л. 3,66. Тираж 40 000
экз. Заказ № 90. Цена 43 коп.

Издательство «Советский писа-
тель», Москва, К-9, Б. Гнезников-
ский пер., 10.

Тульская типография Главполи-
графпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР, г. Ту-
ла, проспект им. В. И. Ленина, 109.